

РАССКАЗ

Мы победим

СНАЧАЛА Сережка так и не понял, почему мама заплакала.

Эх, молодость, молодость! Она, как шальной, беспутный ветер: никогда не остановится, никогда не задумается даже на минутку, пока однажды не наткнется на упрямый твердый утес или равнодушную холодную стену жизненных преград. И только потом, рассыпавшись на мелкие осколки вопросов и недоумений, немощно затихает и начинает оглядываться: правильно все было или нет, чтобы потом, набравшись новых сил, вновь ринуться на поиски неизведанных дорог и новых открытий. Мальчишке было десять лет.

— Мама, мама! — закричал он, едва влетев на кухню.

Мама только почистила картошку и уже бросила ее на сковородку.

— Мама! — закружился вокруг нее Сергей. — Ты знаешь, что произошло! Сейчас по всей стране, по радио передавали. Важное правительственное сообщение! И голос такой, что мимо не пройдешь. Ага, Левитан, наверное. Я не знаю. Ты представляешь, на нас фашистская Германия напала. Вот дураки! Почему? Да мы же их шапками закидаем! Куда они полезли! Это как волк против медведя или Моська на слона — знать, она сильна, копь лает на слона! У нас такие самолеты! Такие танки! Я ведь видел на парадах. На 1 Мая, на 7 Ноября. Это ж какая сила! Я помню, вся эта громадина движется, гремит, а товарищ Сталин им с мавзолея рукой машет. Эх, повезло брату моему, Сашке. Теперь наверняка домой с орденом или медалью вернется. А как же, он ведь на границе служит. Теперь-то он этим немцам задницу надерет! Мама, а почему ты плачешь?

Сережка и не заметил поначалу, как мать после его новостей принялась потихоньку тереть тряпкой, которой только что вытирала посуду, а потом вовсе скомкала ее и, не обращая внимания на жирные непросохшие пятна, стала вытирать влагу, неожиданно выступившую на глазах. Мальчик удивленно посмотрел на мать:

— Ты что, боишься что ли? Да перестань ты, мама! Нас ни один враг не одолеет. И за Сашку не переживай! Он же в крепости службу несет. В крепости, понимаешь! Сашка же писал. Там все оборудовано, все подготовлено. Брестская крепость — это не так себе! И винтовки у них, и автоматы... — последнюю фразу Сергей произносил уже не так уверенно.

Маманя его плакала все сильнее и сильнее. Пыталась скрыть, отворачивалась, но рыдания накатывали на нее с новой силой. Наконец она бессильно махнула тряпкой, оперлась на старенький с расшатанными ножками кухонный столик и уже без утайки занялась размазывать по щекам слезы и шмыгать носом. Мамашино настроение передалось и Сергею. Он тоже почему-то заплакал, подбежал к ней, обнял и, тычась в толстую костяную пуговицу ее халата, быстро-быстро зашептал, как будто боялся, что не успеет заглушить горе, страх, которые вдруг так неожиданно посетили их дом:

— Не плачь, мама. Не плачь. Мы победим. Мы сильнее. Мы обязательно победим. Вот увидишь, месяцев шесть, не больше. Сашке, может быть, даже за это отпуск дадут, — бормотал Сергей и косился на картошку.

«Подгорит, наверное», — успел подумать он. Та ужасно дымила и испускала неприятный, удушливый запах.

АНДРЕЙ КУДИНОВ.

Наша Вселенная похожа на яблоко

СВАХА

СТАРУШКА ВОЗНИКЛА словно мираж. В цветастом до самых пят просторном сарафане, она казалась современной Огареву и Герцену, серыми тенями стоящим по углам университетского двора на Моховой, 9.

— Кой-то час, милоч, — певуче заговорила она, присаживаясь рядом на скамейке, где я блаженно покуривал.

Продолжая все в том же духе, пришелица поведала, у кого из московских купцов и иных важных господ прислуживала... И под конец спросила:

— Женат чай, аль нет?

Я был благодушно настроен. Только что свалил экзамен по старославянскому языку и поэтому, приняв вопрос за шутку, тем же ответил:

— Уж не замуж ли, бабуся, за меня собралась?

— Ой! — замахала она руками, — окстись, милоч, чой-то не то баешь. Ты вот что послушай, — склонившись к моему уху, торопливо зашептала она, — я тебе такую кралю приглядела — вовек лучше не сыщешь.

Дело было к вечеру — делать было нечего: «А что, — подумал я, — никогда не присутствовал на смотринах, тем более в главной роли. Если предлагаемая девица и в самом деле такая краса, какой ее бабка описывает, то интересно — поправлюсь ей или нет? Вот будет о чем рассказать ребятам по общежитию».

Сваха, пока я размышлял, все тараторила без умолку.

— Ша, мамуля, уговорила, — остановил я ее, подымаясь со скамейки и привычно забросив окурок в стоящую поодаль урну, — веди.

Бабка заулыбалась и засеменила впереди, то и дело оглядываясь: тут ли?

Мы завернули за угол нашего здания, потом потянулись какой-то переулочком, похожий на коридор, и мне стало вдруг казаться, что он становится все уже и уже. Потом что-то чмокнуло, словно у самого уха открыли бутылку шампанского, и мы очутились у двухэтажного строения с облупленной штукатуркой.

— Сюда! — вполголоса сказала бабка, открывая обшарпанную дверь.

Мы вошли в полутемные, пахнущие чем-то малоразличимым, похожим на плесень, сени, где чуть было не споткнулся о чьи-то сапоги, и, растворив следующие двери, предстали перед гостями, молчаливо сидящими со всех сторон за обструганным, не покрытым скатертью столом. На мой приход никто, и это более всего показалось странным, не среагировал так, как обычно принимают новые лица. Лишь одна персона, рядом с которой оставалось свободное место, как понял — предназначенное для меня, обернулась и, как мне показалось, кисло улыбнулась. Мать честная, во что она была обряжена — трудно обрисовать. На голове, обтягивая ее, красовалась белая кружевная шапочка, в каких выходили из спален бабушки старых времен, с тощей шеи свисали непонятного цвета стеклянные бусы. И платье из какой-то выцветшей ткани было больше похоже на больничной халат. Гостей как следует не различил. В сумеречном свете керосиновых ламп они выглядели блекло. Один из них в нахлобученном до ушей головном уборе, напоминающем старомодный цилиндр, буркнув «пей!», подвинул ко мне доверху наполненную чашу. Я принял ее — и на меня пахнуло чем-то горьковато-кислым, вызвав паническое желание ретироваться. Даже не пригубив налитое,

поставил чашу, которая, чудилось, жгла мне пальцы, и со словами «сейчас приду» отставил шаткий стул и направился к выходу.

— Куда? — глухо послышалось за спиной, но я, протиснувшись в щель едва открытой двери, рванул вперёд насколько позволял пружинящий воздух...

Уже вечерело. И когда остановился и огляделся, то обнаружил, что нахожусь около Кузнецкого моста, за целую троллейбусную остановку от того места, куда пришли.

Утром, наполненный прежней энергией, воспринимая вчерашнее как причудливый сон, встретил в университетском дворе учившегося на физмате приятеля Сашку. Со всеми деталями, какие заметил, все ему рассказал. Он несколько не удивился.

— Как ты говоришь? — переспросил он, — Хлопок, значит, был и воздух пружинил?

— Да, — ответил ему, — мне так показалось.

— Не показалось, — заключил Сашка, — это похоже на временной скачок. Наша Вселенная, если слышал, похожа на яблоко, изборожденное внутри прогрызенными червем ходами. Там, где они пересекаются, можно повстречаться с прошлым или будущим. Ты в какое-то из этих пересечений и угодил, с чем и поздравляю. Не каждому так повезет. Ну-ка, — продолжал он с воодушевлением, — пошли посмотрим, в какой точке та бабка тебя углядела?

Скамейку эту не надо было искать. Я показал ему, где находился. Он сел, повертелся. Потом спросил:

— О! Вот еще что важно. Ты запомнил, в каком часу эта бабушка к тебе подседала?

Я наморщил лоб. Наручными часами тогда еще не обзавелся. И вдруг в голове мелькнуло, что именно с этого вопроса и состоялось наше с ней знакомство. Я тогда машинально взглянул на настенные часы у входа в библиотеку МГУ: стрелки показывали ровно пять.

— М-да, — промолвил Сашка, не сказав, что под этим подразумевал, на этом мы распрощались.

А вот это время запомнил точно. Весь день провалялся в общежитии, штудировав учебник по зарубежной литературе, и к пяти часам пришел, чтобы вернуть его в библиотеку. И первое, что бросилось в глаза: приятель с той самой бабусей. Они уже поворачивали за угол:

— Сашка, остановись! — закричал я и кинулся вслед, но там уже никого не было...

Года через два, поднимаясь на эскалаторе к выходу станции «Охотный ряд», услышал, как кто-то назвал мое имя. Внизу на противоположной стороне махал рукой, предлагая подождать, человек в темных очках.

Я не удивился: так мы иногда сталкивались с одноклассниками, и по привычке прошел к одной из телефонных будок в фойе станции. Через минуту подошел одетый в то время редкую джинсовку модно подстриженный парень и снял очки.

Я остолбенел, увидев знакомое лицо.

— Не тарашь глаза, а лучше поздравь, — сказал Сашка.

— С чем? — заикаясь, пролепетал я, все еще не веря своим глазам.

— А с тем, что женился на той самой девице, которой ты так испугался... Ну, друг, — хлопнув меня по плечу, засмеялся он, — время ты

КОЛАЖ МАРИНЫ НИКОЛЕВОЙ

запомнил, а на число не обратил внимания. Как же ты его не заметил? Оно же с календаря на двери, в которую входил, на тебя смотрело. Забыл: первое апреля — никому не верь!

— Ну ладно, не дуйся! — увидев, что я нахмурился, сказал он, доставая из кармана куртки блокнот с витиеватой надписью.

Открыв его и что-то там начеркав, он протянул мне листок со словами: «Здесь мой адрес. Приходи. Там все узнаешь». Назавтра пришел по указанному адресу «Старый конюшенный переулок» и не увидел там названного дома. Я достал листок проверить: не спутал ли чего? Нет, все было правильно. В чем же дело? Проходившую мимо пенсионерку, чем-то смахивающую на уже знакомую мне бабуку, удивил мой недоуменный вопрос:

— С Марса, что ли, свалился, голубок? — хмыкнула она. — Да эту халупу еще в мои молодые годы снесли.

С той поры с Сашей мы уже больше не встречались. На кафедре узнал, что, получив диплом, приятель мой отбыл в какой-то далекий край...

Я уже знал, куда. В уголке того самого блокнотного листка проставлена была циферка «1903 г.» А еще там значилось главное, чему не придал значения: «в 5 часов». А я в тот день пришел немного позже.

ВЛАДИМИР ПЕТРЕНКО.

История с тихим горожанином

ДОБРОЕ ДЕЛО

НАВЕРНОЕ, многие помнят замечательный фильм-сказку «Морозко».

Герой картины по имени Иван в облики медведя носится по лесу, пугает людей и орет: «Какое бы мне доброе дело сделать?» Очень примечательный момент.

Пожолая история приключилась с тихим горожанином Валерой Зюлиным. Только он ни в кого не превращался. Просто стоял себе у киоска Союзпечати и глазел на прохожих, куда-то спешащих с полными пакетами. Ну, это как раз понятно: рядом рынок, и народ в выходной день отоваривается. А Валеру донимали благие мысли. В будни о вечном ду-

мать некогда, производство силы отнимает. Другое дело — суббота. Можно побездельничать, за жизнью понаблюдать, мозгами пораскинуть.

«Вот идет старушка, — рассуждал Валера, — тащи огромную сумку. Много чего туда напихала: небось килограммов на десять потянет. Тяжело ей. Сама старенькая, слабенькая, а помочь некому. Эх, нелегко век доживать одиноким пенсионерам».

Зюлин сочувственно закивал головой. Прямо беда! Не найдется поблизости ни одного «тимуровца», готового броситься старушке на помощь... Да-а, измучил народ. Придется самому за всех отдуваться.

Старушка, тем временем остановилась передохнуть. Она тяжело дышала, вытирая пот со лба.

— Делать добрые дела — наш первейший долг! — провозгласил он лозунг дня и мужественно шагнул на тропу благотворительности.

— Бабуля! Давайте-ка я вам помогу, — предложил Зюлин уставшей старушке и попытался взять тяжелую сумку из ее рук.

— Караул! Грабят! — неожиданно закричала та срывающимся голосом и крепко прижала добро к старческой груди.

Валера растерялся.

— Да кто же вас грабит, вы что? — пытался он образумить напуганную женщину, — Я вам помочь хочу.

— Люди! Помогите! — продолжала вопить старуха.

Начала собираться толпа.

— Наркоманы вконец обнаглели! За дозу убить готовы! — пронеслось среди зевак.

— В милицию гада! — выкрикнул кто-то.

— Кулаком его! По морде его! — предлагали другие.

Перепуганный Валера плюнул на добрые дела и поспешил скрыться с места событий, проклиная в душе свои благородные порывы. Ему вслед неслись бранные слова. Зюлин их уже не слышал: он спешил домой, где мог укрыться от жестокости и непонимания озверевших соотечественников.

— Обошлось, — радостно прошептал он, затворив за собой двери родной квартирки. Зашел на кухню, сел у плиты и принялся чистить картофель: дела — делами, а обедать надо.

...А Иван с медвежьей головой все бегал по лесу и ревел: «Какое мне доброе дело сделать?»

АНАТОЛИЙ ТЮМЕНЕВ.